***

Хорошо живём на свете,
нивы пашем, пашни жнём.
А за это всё в ответе
некто Пушкин, агроном.

Подрастают наши дети,
в лагерях мотают срок.
А за это всё в ответе
некто Пушкин, педагог.

Поматросит жизнь и бросит,
и отнимет всё у всех.
Вот тогда за всё и спросит
Некто... в небесех.

***

Мы слишком одиноки и жестоки.
И на расправу скорую легки.
И бродят по земле последние пророки,
и молятся за нас, стирая с лиц плевки.

Но кончатся всему отпущенные сроки.
И, оставляя нас наедине с судьбой,
взойдут на небеса последние пророки.
И лестницы поднимут за собой.

***

О, этот миг, когда, один из тысяч,
тебя сражает насмерть чей-то взгляд,
который ты бессилен в камне высечь
или в убогий втиснуть стихоряд!

И зацветает мёртвый куст сирени.
И мир велик в ничтожности любой...
Горацио! Есть много всякой хрени.
Но нет прекрасней хрени, чем любовь!

***

Мир справедлив. А мы несправедливы.
Природа праведна. А мы грешны.
И если где-то кто-то есть счастливый,
то на обратной стороне Луны.

Она висит над заводской трубою.
То выглянет, то спрячется в дыму.
Вот так и мы, наверное, с тобою
живём, несопричастные всему.

Живём бездарно, тупо, нелюдимо.
Бессмысленей поди ещё сумей.
А жизнь проходит и проходит мимо.
И всё мимей проходит и мимей.

***

Одолеет жизни жуть,
этот мир неделикатный, –
мы с тобой уедем жить
на поселок Силикатный.
Там спокойно и легко,
рядом бор, грибы, пичужки...
И совсем недалеко
до спасительной психушки.

***

И на вершине, и на дне,
во тьме ночной и днём
Господь нуждается во мне,
и я нуждаюсь в Нём.

Не поддаётся духу плоть.
Но мы её смирим.
Со мной повсюду мой Господь.
И я повсюду с Ним.

Когда ж архангел вострубит
конец пути сего,
Господь за всё меня простит.
И я прощу Его.

***

Ни времени, ни вечности самой
ещё на свете не было тогда.
И свет ещё не притворялся тьмой,
и небом – твердь, и сушею – вода.
Ничто ещё не встало на места.
И солнце не проклюнулось во мгле.
Земля была безвидна и пуста...
И что-то там горело на столе...

***

Заколоченные дачи.
Дышит близким снегом даль.
Вот и стали мы богаче
на ещё одну печаль.

Небо дряхлое всё ниже
выю гнёт перед зимой.
Вот и сделались мы ближе
к нашей финишной прямой.

Вот и кончились вопросы.
Дней разъялась череда.
Только снег, летящий косо
в никуда...

***

Лампе настольной
не осветить всей тьмы
этого мира.
Три метра – её предел.
Лампе подобно,
тщимся светить и мы.
Но слишком тускл наш удел.
Вот и попробуй,
всю осознав тщету,
тут не сойти с ума.
Сколько отпущено нам
на свету –
знает лишь тьма сама.
Только Господь
не даёт заблудиться мне
и озвереть от тоски.
А чтобы тебя отыскать во тьме –
хватит руки.

***

На крыльях бабочек все буквы алфавита,
весь Бытия немыслимый словарь.
Скажи, какая истина сокрыта
в тебе, очаровательная тварь?

Какая мысль неизречённая таится
в любой твоей чешуйке слюдяной,
когда ты две дрожащие страницы
распахиваешь вдруг передо мной?

Все смыслы сущего, все тайны мирозданья
я, кажется, вот-вот постичь готов...
Я вижу букв знакомых очертанья...
Но, Боже, я не знаю этих слов!..

***

Место, где я живу, –
лучшее на земле.
В самую злую жару –
лучшее на земле.

В лютые холода –
лучшее на земле.
Ныне и навсегда –
лучшее на земле.

В счастье или в беду –
лучшее на земле.
В смертном моём бреду –
лучшее на земле.

Не потому, что оно
лучшее на земле.
А потому, что оно
лучшее на земле.